

Последняя встреча

Иногда удаётся увидеть где-нибудь в общественном месте просто одетых, краснощёких, загорелых, с большими бородами мужиков, которые неуклюжестью и простотой поведения отличаются от других. Их в нашем обществе называют одним общим именем — кержаки. Встречаются бородатые мужики и одетые в длинные, до самих пят, платья женщины с покрытыми тёмными платками головами в больших чёрных лодках, медленно плывущих по Енисею. Кто же они такие, эти кержаки, где, как, чем и на что живут? Об этом мало кто из нас задумывается, и тем более, мало кто интересуется.

Продолжение,
началов №43,44,48,50,51,1,2

Очень нам понравившись молоко из кедрового ореха, оказывается, кто-то из местных умельцев придумал приспособление для раскалывания кедровых орех и вытаскивания из них съедобных ядрышек, из которых затем и делали молоко, которое можно было употреблять во время постов.

После ужина мы все вместе сидели в нашем гостевом домике и никак не могли друг с другом наговориться.

- Петя, что же вы так долго не ехали ко мне, я ведь здесь уже четвертый год живу, жду и жду вас каждую весну, а вас всё нет и нет.

- Мама, ты же забралась за тридевять земель, к тебе очень долго и тяжело добираться. Ладно, хоть в пути нам Иван повстречался и согласился сюда свозить. А если бы не Иван, так сидели бы мы где-нибудь сейчас в ожидании попутных лодок, а их сейчас совсем мало ходит, может, посидели бы где-нибудь несколько дней, да и вернулись бы домой. Потому и Галя с нами не поехала, одни неопределённости в дороге.

- Как же я соскучилась по всем, так хочется поглядеться и с детьми и со внуками.

- Ну, так поехали с нами, поводишься.

- Нет Петя, мне уже отсюда никуда не выехать, я здесь помирать буду, весной-то этой я сильно переболела и кашляла долго потом, и грудь и голова болели, думала, что уже и не выживу. Тут у нас зиму ничего, вроде все переживают с Божьей помощью, а вот в марте и апреле начинают болеть, кто послабже, да кому время приходит, дак, они и не переносят болезней.

- А как же вы лечитесь?

- Так травами и лечимся, другие лекарства не для нас.

- Мама, я ведь тебе мази и таблетки привёз от варикоза, ноги-то болят у тебя?

- Каждый день болят, посмотрю.

Она оголила голени, внутренние стороны были все в чёрных синяках и шишках, и в сердцах продолжала.

- Не возьму я твоих лекарств, на них ведь наверняка начертания есть, бесовское это всё.

- Мама, зачем же бояться этих начертаний, это код товара, понимаешь, в нём зашифрована вся информация о лекарстве, как товаре, только лишь и всего.

- Даже и не доставай их из сумки, всё равно не возьму.

- Да тебе мази, похоже, уже и не помогут, надо тебе к врачу ехать.

- Никуда я не поеду, меня ведь в прошлом году покрыли, матушка я теперь и имя у меня теперь другое. В рождественский пост нас как раз готовили, вдвоём мы были, так весь декабрь мы от земных грехов очищались, весь месяц сидели на воде и хлебе, а последнюю неделю поста в начале января так и без хлеба. Дала я обет Богу никуда больше отсюда не выезжать, грехов по жизни много накопила, надо теперь много и молиться. Паспорт свой в печку выбросила, деньги, какие оставались, настоятельнице отдала, ничего у меня теперь нет, вот, два платья рабочих остались, да письма ваши с фотографиями.

- А пенсия?

- От пенсии я уже давно отказалась, как поехала сюда, так пошла в сельский совет и написала заявление на отказ, грех это, с государства деньги тянуть.

- Мама, да это же твои деньги, ты всю жизнь проработала, сначала в колхозе, потом бакенщиком, затем хлеб пекла в пекарне, с тебя их государство удерживало, а

молчания она предложила.

- Пойдёмте, посидим у могилки Евдокии, я каждый день по два-три раза к ней забегаяю, когда тяжело на душе, посижу у неё десяток минут, и мне сразу легче становится.

Могилки были тут же, недалеко от дома, их и было не много, не больше десятка, причём все без оградок, но с деревянными большими крестами. Мы присели на стоящую рядом деревянную, наспех сделанную скамейку.

- Как же мне плохо жить стало, когда она умерла, тяжёлую жизнь прожила сестра наша, много бед и лишений угодила ей судьба, военные и послевоенные годы были у нас очень голодными. А потом, молоденькой девчонкой ещё уехала в таёжный скит и сколько натерпелась она здесь, когда его ярцевские милиционеры разгромили и вывезли их отсюда, как пленных. Хорошо, хоть не засудили её, отпустили, только заставили в колхоз идти работать. Потом в Ворогово она замуж вышла, родила троих детей, да только и там не пожилось, вскорости заболел муж и умер, пришлось ей одной детей поднимать. Взрелье годы, в Назарово уже снова вышла замуж, мужик вроде работающий был, да только пил много и с другими женщинами погулять любил, как бы то ни было, жила с ним, пока он там же не умер. Дети уже взрослые были, все жили со своими семьями и приехала она снова сюда век доживать. Болела она сильно в последние годы, а здесь ещё весной как-то привезли нам мёд в бочках с Дальнего Востока, единоверцы наши отправили, а бочки сильно уж тяжёлые были, по семьдесят килограмм. Когда их вытаскивали вверх, она ещё и надорвалась с ними, после этого так больше и не поправилась.

Она всхлинула навзрыд, а Саша тихо сказал.

- Ну, вот и я бывал на могиле своей старшей сестры, приеду, её детям расскажу и Геннадию, и Лиде с Варей, что на

теперь вот возвращает.

- Не нужны мне те деньги, здесь у нас их никто не получает, все отказались, мы больше заботимся о духовной пище, а прокормить себя и сами сможем.

- Много молитесь?

- Летом у нас времени не хватает долго молиться, два часа утром и два часа вечером, ведь работы много, зимой же времени на молитву гораздо больше, отдохнём маленько и молимся, отдохнём и молимся.

В разговор вмешался Харлампич.

- Знаю, а что строят вам братья?

- Мужчины-то у нас здесь совсем редко показываются, зачем женщин смущать, настоятель мужского скита отец Илларион иногда приходит, да кто в гости вот так, как вы, случайно заедет на день-два. А дом наш совсем старый стал, погнил весь, крыша течёт, да и кельи тесные, встанешь и повернуться не можешь, вот и пришлось братья с мужского скита новый строить, четырнадцать человек их здесь, обещают к концу июля уже и закончить.

После продолжительного

Автор Петр Мохирев

могиле их матери был.

- Мы ведь каждый вечер здесь все вместе, у этих могил молимся за упокой душ умерших сестёр наших.

На следующий день мама пришла к нам ближе к обеду.

- Я у матушки отпросилась до самого вечера, пойдёмте, буду показывать вам, как мы здесь живём.

Поселение было совсем не большим — один большой старый дом, в котором жили и молились женщины, домик маленький, для гостей, стоящий на высоком берегу курьи, и чуть в стороне такой же рубленый дом, в котором размещались кухня и склад для продуктов. И ещё, чуть ближе к лесу стоял крытый дранкой большой сарай под дрова, сколоченный из жердей. С одной стороны дома поджимала курья, с другой, прямо за домами начиналась дремучая тайга, состоявшая здесь из смешанного леса, а с третьей стороны далеко от домов растягивались огороды и теплицы. Сначала мы зашли в дом, там были сделаны двухэтажные нары с узкими и тесными проходами между ними. Окна в стенах совсем не большие и в здании было прохладно и темно. Мама рассказывала.

- Нас здесь сорок человек живёт, так одну-то половину мы братьям отдали на время стройки, они же нам и сделали двухъярусные топчаны, здесь мы теперь и молимся, ничего, в тесноте, да

не в обиде. Вот построят нам новый дом, там просторней будет. Наверху спят у нас, кто помоложе, нам старухам туда не подниматься, пойдёмте в нашу моленную, матушка разрешила вас туда сводить.

Это была большая и светлая комната, где могли одновременно молиться до сорока человек. Две стены были аккуратно и красиво сплошь заставлены иконами разных размеров и, очевидно разных сроков изготовления.

- Мама, а как же вы в святая святых пускаете посторонних людей?

- Мы секретов не делаем из своей веры, все, кто сюда приезжает, может смотреть и наши иконы, и то, как мы молимся, приезжают сюда все наши, христиане, посторонних здесь не бывает.

Саша внимательно рассматривал иконы.

- Зина, сколько же у вас здесь икон, да все старинные, такие больше нигде не увидишь, откуда они у вас? И книг сколько старинных лежит?

- Наши братья и сестры с собой их принесли, когда сюда шли. Христиан — староверов всегда и везде преследовали, как при царском режиме, так и при советской власти, вот люди и бежали из центральной части России в Сибирь — матушку и несли с собой самое ценное, что у них было, это иконы и книги.

Потом мы смотрели аккуратно сделанные теплицы, накрытые толстой целлофановой плёнкой, в них был идеальный порядок, всё прополото и полито. Отдельно зеленели грядки огурцов, помидор, редиса, укропа, лука.

- Вот здесь я и работаю, огурцы-то мы уже давно свежие едим, помидоры хорошо цветут и завязи много, тоже скоро на стол будет чего ставить, да и запасы на зиму уже пора делать.

В теплицах было слишком жарко и мы присели у входа.

- Мама, тяжело тебе наверно работать?

- Тяжело, не тяжело, лежать не будешь, здесь все работают, кто что может, тот то и делает, конечно, кто больные, те лежат в кровати.

Продолжение следует
Петр МОХИРЕВ,
г. Лесосибирск

